

В семье одни двоечники, и вот, казалось бы, единственный ребенок, который хорошо учится. Линь Саню было жалко отдавать его в спорт. К тому же, есть такая поговорка: «В спорте если не стал чемпионом — толку нет, а если стал — весь больной». Он не хотел, чтобы его ребенок так страдал.

Но проблема заключалась в том, что сам сорванец, похоже, всерьез загорелся этой идеей.

Сяо Тинлань совершенно не понимал «страданий» Линь Саня, а потому не мог дать никакого совета. Но у него тоже был разговор: двадцатидневный «период росы» подошел к концу, и у него больше не было причин оставаться. И действительно, узнав о скором отъезде Сяо Тинлани, мужчина заметно опешил, а затем на его лице отразилась глубокая задумчивость.

— Раз так, то давай перед твоим отъездом сделаем кое-что.

Сяо Тинлань нахмурился:

— Что именно?

Линь Сань улыбнулся и произнес как само собой разумеющееся:

— Пойдем на свидание.

«Кто еще с тобой на свидание пойдет!» Сяо Тинлань с каменным лицом уже хотел было сжать кулаки, чтобы привести этого наглеца в чувство, но тот внезапно состроил жалобную мину: глаза увлажнились, руки сложились в умоляющем жесте:

— Ну ради того, что я все эти дни верой и правдой тебе служил, согласись, а? Ну пожалуйста, ну согласись, умоляю!!!!

У Сяо Тинлани от этого зрелища мурашки по коже побежали. Вот за это он и ненавидел собак, особенно некоторых «крупных пород».

Хотя поначалу Сяо Тинлань демонстрировал полное нежелание, Линь Сань оказался невероятно измором. Чтобы добиться согласия, он был способен всю ночь пролежать у края кровати, издавая жалобные звуки: «и-и-и... и-и-и...». В конце концов, не имея другого выхода и желая просто выспаться, Сяо Тинлань «сдался».

И вот на следующее утро его сначала принудили к «утренней разминке», а затем Линь Сань с нетерпением потащил его на свидание. Место для их первого выхода в свет Линь Сань выбирал очень тщательно.

Во-первых, шумные и вульгарные места точно не подходили. Поэтому парки аттракционов, бары и тому подобное были сразу вычеркнуты из списка.

Во-вторых, обычные варианты вроде кинотеатров тоже не годились, так как Сяо Тинланю это наверняка было бы неинтересно.

В-третьих, это обязательно должно было быть что-то элегантное. По крайней мере, внешне это не должно было выглядеть примитивно.

В итоге Линь Сань выбрал посещение выставки. Как раз недавно он слышал от Ван Яо, что один мастер традиционной китайской живописи проводит выставку в Жунчэне. В такую жару окунуться вместе с объектом симпатии в океан искусства — глядишь, пока плаваешь, он в тебя

и влюбится!

Чжэн Шусянь, студентка местного университета, в этот свободный день договорилась с двумя подругами по общежитию сходить на выставку. В какой-то момент она отошла в дамскую комнату, а когда вернулась, увидела, что её подруги сбились в кучку, о чем-то возбужденно шепчутся и так и светятся от восторга.

Чжэн Шусянь спросила:

— Вы чего это, будто вам на хвост наступили?

Подруги промолчали, лишь схватили её за руку и начали отчаянно подавать знаки глазами в определенном направлении. Чжэн Шусянь опешила, проследила за их взглядом и... тоже на мгновение оцепенела. Говорят, красивые женщины заставляют сердца замирать, но в обратную сторону это работает точно так же.

Там стояли два красавца, при взгляде на которых в памяти мгновенно отпечатывался их образ, причем они были совершенно разных типажей. Один — мужественный и статный. Хотя он был одет в спортивный костюм, его великолепная фигура была видна невооруженным глазом: рельефные мышцы не скрывала никакая одежда, а от всего его облика исходила непередаваемая сексуальная энергетика. Другой же напоминал благородного молодого господина из древнего аристократического рода: как луна на небе или свет в тумане — туманно-чарующий, но в то же время внушающий дистанцию, к которой страшно даже приблизиться.

Чжэн Шусянь пробормотала:

— Экземпляры... абсолютные экземпляры.

Две сокурсницы тут же переглянулись, в один голос выразили согласие, а затем начали наперебой подбивать Шусянь пойти в авангарде.

— А чего сами не идете? — прищурилась та. Подруги заискивающе улыбнулись:

— Боимся.

Чжэн Шусянь была смелой девушкой. Сделав пару глубоких вдохов, она, покрасневшись, решительно направилась к ним... Через минуту она вернулась. Подруги тут же засыпали её вопросами:

— Ну как? Как?! Получилось познакомиться?

— Какое там «получилось», забудьте, ловить нечего, — проворчала Чжэн Шусянь.

— Они пара.

Ха? На лицах подруг отразилось разочарование? Нет! Их глаза загорелись еще ярче, чем прежде.

Одна из них даже возбужденно сжала кулаки:

— Один холодный и чистый, как нефрит, другой дикий, как ветер... О боже, они же идеально подходят друг другу!!!

Вторая не менее воодушевленно закивала.

Если смотреть под таким углом, то это кажется даже милым... При этой мысли Чжэн Шусянь, которую только что отвергли, сразу стало легче на душе.

— Господин, можно ваш номер телефона?

— Нельзя, — отвечал Линь Сань.

— Дома жена строгая, если дам — меня по возвращении побьют.

— Тогда... можно попросить номер вашего спутника?

— Это тем более нельзя. Его жена — та еще ревнивица, если узнает, что он интрижки на стороне крутит, пожалуй, сразу под поезд бросится.

Какая это уже была по счету попытка? Сяо Тинлань стоял с холодным выражением лица, но в душе волна за волной поднималось раздражение. Он слышал, как мужчина рядом с ним объяснял каждой девушке, пытавшейся познакомиться, их «отношения». Разумеется, среди объяснений были и серьезные, и наспех выдуманные, но общим было одно: девушки заговаривали только с Линь Санем. Надо же, какой любитель собирать вокруг себя пчел и бабочек!

Через два часа, когда Линь Сань наконец вдоволь «наплавался в океане искусства», он вместе с Сяо Тинланем покинул выставку. Но они не поехали домой, а сразу направились к следующему пункту назначения — в Народный парк. В это время в парке было очень оживленно, особенно у входа, где стояло много уличных фотографов: одна фотография — один юань, забирать через три дня.

Линь Сань, не говоря ни слова, утащил Сяо Тинланя фотографироваться и сделал добрый десяток снимков подряд.

— Ну улыбнись же ты! — Одной рукой он приобнял мужчину за плечо, другой сложил пальцы в знак «V». Линь Сань скомандовал:

— Давай, сы-ы-ыр!

В итоге, улыбнулся Сяо Тинлань или нет — неизвестно, он лишь знал, что стоящий рядом мужчина выглядит совершенно по-идиотски.

На самом деле, еще более идиотские вещи случились совсем скоро. Линь Сань купил кучу всего в лавках у входа в парк: воздушного змея, две клубничные сахарные ваты, две бутылки газировки и два флакона с мыльными пузырями — те, что для детей. Закончив покупки, он с блаженной улыбкой на лице радостно потащил Сяо Тинланя вглубь парка.

Они шли по тенистой аллее. Линь Сань опустил голову и принялся жевать липкую сахарную вату. Он пытался угостить и Сяо Тинланя, но тот с брезгливым видом уклонился.

Линь Сань сказал:

— Этот Народный парк мэрия достроила только в прошлом году, тут всё оборудование новое. Еще можно на лодке покататься, доплыть до центрального острова.

Сяо Тинлань взглянул на него и слегка нахмурился.

Они немного прошли и в конце концов присели в беседке возле искусственной горки. Место было довольно высоким: отсюда на востоке было видно старичков, упражняющихся с мечами тайцзи, а на западе — группу тетушек, танцующих бальные танцы. Линь Сань протянул спутнику бутылку воды. На этот раз Сяо Тинлань её взял.

Линь Сань задумчиво посмотрел вдаль и вдруг с некоторым сомнением спросил:

— Твой «период росы»... он ведь не раз в жизни бывает?

Под этим термином Линь Сань подразумевал какую-то сексуальную зависимость; он думал, что у собеседника, возможно, есть психологическое заболевание и ему требуется «разрядка» по расписанию...

Сяо Тинлань: «...» Глубоко вдохнув, он холодно произнес:

— Нет. Обычно раз в год.

Раз в год?! Линь Сань мгновенно скорчил такую мину, будто готов был разрыдаться. Не может быть, не может быть! То есть он хочет сказать: «Прихожу к тебе раз в год, трахаюсь двадцать дней, а всё остальное время мы не видимся?»

Не-е-ет. Это было бы слишком жестоко!!!

— То есть в следующий раз я увижу тебя только в это же время в будущем году? — Линь Сань жалобно посмотрел на него, протестуя:

— Нет, абсолютно исключено! Я умру от одиночества.

— Не забывай, соглашение...

— Да хоть в суд на меня подавай, — Линь Сань в открытую включил режим наглеца.

— Короче, раз в год — категорически нельзя.

Сяо Тинлань долго молчал. На его холодном и красивом лице отразилась мучительная внутренняя борьба. В итоге он снова выбрал компромисс: «раз в год» превратилось в «дважды в год».

Линь Сань: — Мой нижний предел — трижды в год. И я требую права свободно связываться с тобой по телефону.

Сяо Тинлань: «...»

— Так, молчание — знак согласия! — В глазах Линь Саня промелькнула лукавая искорка.

Раз в год можно превратить в трижды в год. Трижды в год можно превратить в раз в месяц. А когда-нибудь настанет день, когда он превратит эти «разы» в «каждый божий день». И тогда он сможет видеть его, когда захочет.

Они покатались на лодочке, позапускали змея, а вечером поужинали в довольно приличном западном ресторанчике. В общем, сегодняшнее свидание, по мнению Линь Саня, прошло на «отлично». И хотя кое-кто весь вечер сохранял ледяной вид и почти не улыбался, в целом

человек проявил лояльность, и Линь Сань был более чем доволен.

Два дня спустя Линь Сань открыл глаза, но Сяо Тинланя рядом уже не было. Всё поместье казалось пустым — кроме него самого, не осталось ни души. Линь Сань не был этим удивлен. Нет, если что и заставило его удивиться, так это кое-что другое.

На прикроватной тумбочке лежал контракт.

«...Настоящим передается в дар: офисное здание "Цзиньди Дася" на улице Жуньхуа в городе Жунчэн... двенадцать прибыльных торговых площадок в деловом районе Всемирного торгового центра... вилла на берегу озера... роскошный автомобиль Астон Мартин...»

Дарителем значился Сяо Тинлань. А в графе одаряемого красовалось: Линь Цзяньхай.

«И на черта я так вкалывал, продавая эти пейджеры?» Линь Сань сжал контракт в руке, воздел глаза к небу и тяжело вздохнул: — Кажется, я нашел кратчайший путь в этой жизни!

<http://bllate.org/book/16514/1503048>